

Н.Я. Грот

К вопросу о реформе логики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н.Я. Грот**
К вопросу о реформе логики / Н.Я. Грот – М.: Книга по Требованию, 2023. – 374 с.

ISBN 978-5-458-54338-5

ISBN 978-5-458-54338-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ былъ задуманъ авторомъ десять лѣтъ тому назадъ, еще на студенческой скамьѣ — при слушаніи курса логики въ с.-петербургскомъ университетѣ: подготовленіе его продолжается всѣ послѣдующіе годы, лишь съ болѣе или менѣе незначительными перерывами; но тѣмъ не менѣе теперешній, болѣе законченный видъ своей теоріи автора получили лишь въ послѣдніе десять мѣсяцевъ, посвященныхъ составленію самой книги, которую онъ представляетъ нынѣ на судъ специалистовъ и образованной русской публики вообще.

Причина тому простая: человекъ, стремящійся быть безпристрастнымъ, не склонный къ предразсудкамъ и предвзятымъ мнѣніямъ и заботящійся исключительно о достиженіи въ той или другой области возможно полнаго знанія — въ предѣлахъ, его уму доступныхъ, — никогда не можетъ окончательно остановиться въ процессѣ выработки своихъ научныхъ воззрѣній и дойти до наивнаго убѣжденія, что достигнутые имъ результаты совершенны. Сколько бы онъ ни старался придти къ законченнымъ взглядамъ на предметъ своего изслѣдованія, дѣйствительность неизбежно будетъ толкать его мысль все далѣе и далѣе, — и для того, чтобы процессъ развитія его взглядовъ на всегда или хотя на время остановился, нужно какое-нибудь *внѣшнее препятствіе*: смерть, болѣзнь, утомленіе ума, отвлеченіе его въ другую сторону, наконецъ *процессъ изложенія*, т. е. «словеснаго формулированія» *относительно назрѣвшихъ* убѣжденій. Этотъ послѣдній факторъ является самымъ

обычнымъ мотивомъ для остановки процесса творчества мысли, — но конечно *de jure* лишь временной, а не окончательной. Признать свои выводы окончательными, хотя бы въ силу того, что они систематически изложены, можетъ только тотъ, кто мыслить въ первый разъ; но кто мыслить много и знакомъ съ безконечными разочарованіями и превращеніями идей, которымъ подверженъ безпристрастный изслѣдователь природы, — тотъ никогда не доверится кажущейся полнотѣ и ясности своихъ выводовъ, а будетъ съ увѣренностью ожидать, что завтра къ нимъ прибавится опять что-нибудь новое.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы возможность новаго совершенствованія научныхъ теорій, уже послѣ того какъ онѣ были систематически выражены, могла служить доказательствомъ *несвоевременности* ихъ письменнаго изложенія. Если эти теоріи достигли хотя бы относительной цѣльности и законченности, то изложеніе ихъ не только можетъ быть полезно для ознакомленія *другихъ* лицъ съ новою точкою зрѣнія даннаго научнаго дѣятеля и для возбужденія *ихъ* мысли къ дальнѣйшей разработкѣ того же предмета, съ этой новой точки зрѣнія, но оно является необходимостью даже и для самого изслѣдователя, для дальнѣйшаго прогресса его идей. Дѣло въ томъ, что процессъ «письменнаго» изложенія лучше всего обнаруживаетъ передъ изслѣдователемъ недостатки и пробѣлы въ его теоріяхъ, лучше всего направляетъ научную повѣрку этихъ послѣднихъ и указываетъ на новыя сферы фактовъ, подлежащихъ анализу. Вслѣдствіе всего этого процессъ изложенія, до извѣстной степени закрѣпляя еще не вполне выработанныя теоріи, — съ другой стороны обыкновенно подвигаетъ *разомъ* развитіе этихъ послѣднихъ, въ короткій промежутокъ времени, иногда гораздо далѣе, чѣмъ могли бы сдѣлать это цѣлые годы наблюденія природы и сосредоточеннаго обдумыванія ея законовъ: необходимость точнаго словеснаго формулированія идей и согласованія ихъ другъ съ другомъ невольно возбуждаетъ къ дѣйствию всю доступную человѣку умственную энергію и заставляетъ его бороться противъ всякой неясности и незаконченности содержанія своихъ научныхъ понятій.

Такъ именно случилось и съ нами при составленіи настоящей книги: приступая къ ея изложенію, мы не думали чтобы наши выводы

въ этомъ процессѣ могли существенно измѣниться: между тѣмъ нѣтъ ни одной области, въ которой бы ихъ развитіе, подѣ влияніемъ изложенія, не сдѣлало громадныхъ успѣховъ. Поэтому, хотя мы и ясно сознаемъ многіе недостатки настоящаго труда и считаемъ его естественно лишь *временною передышкою*, такъ сказать «станціею» на пути развитія какъ нашихъ собственныхъ взглядовъ на предметъ, такъ и идей соотвѣтствующей науки, — мы всетаки не подумаемъ извиняться передъ читателемъ, что взяли на себя смѣлость систематически формулировать ученія, которыя въ концѣ концовъ можетъ быть и окажутся еще не исполнѣ созрѣвшими. Незрѣлый плодъ часто лучше дозрѣваетъ, если его сорвать и подвергнуть дѣйствию живительныхъ лучей солнца на открытомъ окошкѣ, — чѣмъ если его оставить въ тѣни, подѣ густыми листьями дерева. Пусть же и наши теоріи окончательно дозрѣютъ подѣ животворными лучами критики, будучи выставлены на открытую арену общественной гласности: онѣ отъ этого могутъ болѣе выиграть, чѣмъ если бы мы тщательно охраняли ихъ отъ посторонняго глаза и совершенствовали исключительно средствами своего индивидуальнаго ума. Индивидуальная мысль, по самымъ законамъ природы, — мысль болѣе или менѣе ограниченная, замкнутая въ извѣстные предѣлы, зависящіе отъ условій индивидуальнаго развитія даннаго человека: только синтезъ большого числа индивидуальныхъ мыслей создаетъ ту безпредѣльность и широту умственнаго горизонта, которыми отличается дѣйствительная наука и которыя гарантируютъ еѣ отъ всякаго увлеченія и односторонности.

Итакъ наши теоріи, развиваясь и испытывая всевозможныя превращенія въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, подверглись новой фундаментальной переработкѣ при окончательномъ ихъ изложеніи. Чтобы объяснить нѣкоторыя особенности настоящаго труда, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на процессѣ развитія своихъ взглядовъ въ теченіе всего упомянутого времени.

Въ общемъ это развитіе прошло конечно три момента: моментъ отрицанія, моментъ критики и моментъ творчества, которые впрочемъ только отчасти возникали послѣдовательно другъ за другомъ, — отчасти же развивались параллельно, взаимно другъ друга дополняя.

Прежде всего началось (сперва конечно совершенно инстинктивно) *отрицание*, т. е. сознание несообразности нѣкоторыхъ старыхъ логическихъ доктринъ, возникшее еще при изученіи логики въ университетѣ. Несообразностью своею болѣе всего поражали насъ съ самаго начала *ученіе о законахъ мышленія*, *ученіе о заблужденіяхъ ума*, *ученіе о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ*. Намъ казалось во 1) что безсодержательная формула $A = A$ не можетъ выражать основного закона мысли, — что законъ «противорѣчія», по самому смыслу этого термина, можетъ имѣть отношеніе только къ области слова, а не мысли, — что логическое понятіе «закона мышленія» вообще представляется весьма сбивчивымъ и двусмысленнымъ, и т. д. Мы размышляли, во 2), о томъ, что если заблужденія мысли происходятъ отъ незнанія правилъ логики, то отчего же никто съ этими правилами логики никогда не считаетъ необходимымъ справляться и отчего люди, незнающіе этихъ правилъ, мыслятъ обыкновенно совершенно правильно и дѣлаютъ даже замѣчательныя научныя открытія, а люди, знакомые съ ними, отъ того не становятся ни умнѣе, ни послѣдовательнѣе въ своихъ заключеніяхъ? Мы сознавали, въ 3), что понятія не могутъ возникать иначе какъ помощью умозаключеній, а между тѣмъ находили въ логикѣ утверженіе, что *понятія служатъ готовымъ основаніемъ для умозаключеній*; мы замѣчали далѣе, что нѣкоторые умозаключенія вовсе не укладываются въ тѣ формы, которыя признавала старая логика, а напротивъ принимаютъ именно тѣ формы, которыя она отрицала; намъ казалось, наконецъ, несообразнымъ, что, упоминая о возможности «индуктивныхъ» умозаключеній, эта логика вовсе не обнаруживала поспѣшженія слить теорію индуктивныхъ умозаключеній съ теорією умозаключеній дедуктивныхъ, т. е. *создать болѣе широкую и общую теорію мышленія* и т. д., и т. д.

Всѣ эти соображенія конечно были сначала совершенно невольны и непосредственны, т. е. не опирались на преднамѣренную критику старыхъ логическихъ теорій; съ ними также непосредственно было связано и убѣжденіе, что наши недоумѣнія сотни разъ приходили въ голову и другимъ мыслителямъ и что не можетъ быть, чтобы противорѣчія и несообразности, насъ поражавшія, не находили себѣ выраженія

въ логическихъ произведеніяхъ различныхъ писателей стараго и новаго времени. Это заставило насъ искать разрѣшенія упомянутыхъ недоумѣній нашихъ въ сочиненіяхъ разныхъ прежнихъ и современныхъ философовъ. Къ сожалѣнію, полнаго отвѣта на волновавшіе насъ вопросы и полнаго удовлетворенія потребностямъ своей индивидуальной мысли, несмотря на всѣ свои старанія, мы *никогда* не нашли: самые вопросы и недоумѣнія наши дѣйствительно оказались давно знакомыми человѣчеству, исканія правильного отвѣта на нихъ и всесторонняго ихъ разрѣшенія тоже оказались весьма старыми; но затѣмъ вѣроятно различные предразсудки и заблужденія, наслѣдованные «философами» отъ прежнихъ вѣковъ, служили постояннымъ препятствіемъ для полнаго разрѣшенія вопросовъ, для постановки логики на дѣйствительно научную почву, для внесенія въ нее дѣйствительнаго единства и разумности принциповъ и понятій.

Къ такому безотрадному заключенію привела насъ конечно разно-
сторонняя критика различныхъ ученій нашихъ предшественниковъ. Но изъ критики невольно начали возникать весьма скоро и обрывки соб-
ственныхъ теорій, которыя казались намъ лично болѣе правильными. Эти обрывки стали выясняться все болѣе и болѣе и слагаться въ нѣчто цѣльное, въ общую логическую доктрину, — подъ вліяніемъ необхо-
димости систематическаго изложенія науки въ лекціяхъ. Съ 77-го и по 81 годъ авторъ нѣсколько разъ читалъ курсъ логики студентамъ нѣжинскаго историко-филологическаго института и съ каждымъ годомъ элементъ исторической критики, направленной противъ старыхъ ученій, уступалъ все болѣе и болѣе мѣста собственнымъ его построеніямъ. Косвенное воздѣйствіе оказывала при этомъ и положительная разра-
ботка имъ психологическихъ вопросовъ — въ параллельномъ курсѣ психологій, а также и въ сочиненіяхъ и статьяхъ автора, частью еще не напечатанныхъ. Когда была окончена и выпущена имъ въ свѣтъ «Психологія чувствованій», то вниманіе автора на время сосредоточилось особенно на дальнѣйшей разработкѣ его логическихъ теорій и въ 1880—81 году авторъ прочелъ курсъ логики, уже содержавшій въ себѣ всѣ важнѣйшіе элементы ученій, изложенныхъ въ настоящей книгѣ. Между прочимъ въ этотъ годъ прибавились къ давно уже установив-

шимся *отрицательнымъ* взглядамъ автора на старые, такъ-называемые законы мышленія, на значеніе правилъ мышленія, на прежнюю классификацію сужденій и умозаключеній и т. д., и къ *положительнымъ* теоріямъ его объ отношеніи индукціи и дедукціи, объ истинныхъ причинахъ заблужденій ума и объ общемъ характерѣ законовъ мышленія, — 1) попытка поставить анализъ умственныхъ процессовъ на точку зрѣнія *теоріи развитія*, 2) попытка сведенія процессовъ сужденія и умозаключенія къ *процессамъ ассоціаціи* и 3) убѣжденіе, что въ старыхъ законахъ мышленія нашли себѣ косвенное и не совсѣмъ удачное выраженіе именно *законы ассоціаціи идей*. Но при этомъ однако *пріемы классификаціи* ступеней развитія умственныхъ и другихъ познавательныхъ процессовъ, *взгляды на истинныя задачи логики*, какъ науки, *способы мотивированія* отношеній между процессами ассоціаціи и процессами сознательнаго мышленія, наконецъ *пріемы разработки* всѣхъ этихъ логическихъ вопросовъ *въ частностяхъ*, еще во многомъ отличались отъ пріемовъ и взглядовъ, относящихся къ тѣмъ же вопросамъ, въ той обработкѣ, какую они получили въ настоящемъ сочиненіи. Еще годъ тому назадъ авторъ *дѣлалъ* развитіе мысли *на три*, а не *на четыре* ступени, — контрастъ «науки о познаніи» и «теоріи искусства познанія» далеко *не считалъ* столь *существеннымъ*, какъ теперь, — мотивировалъ соотношеніе процессовъ ассоціаціи и процессовъ сознательнаго мышленія болѣе *отрицательными* пріемами анализа, чѣмъ *положительными*, — наконецъ, начиналъ изслѣдованіе логическихъ вопросовъ *съ общихъ вопросовъ* о законахъ мысли и о заблужденіяхъ ума и затѣмъ ставилъ изслѣдованіе ступеней развитія мышленія *въ зависимость отъ общихъ выводовъ* о природѣ умственной дѣятельности, а не на оборотъ, — отчего конечно и анализъ этой послѣдней имѣлъ совершенно иной характеръ.

Вслѣдствіе всего этого и настоящее сочиненіе было сначала задумано авторомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ оно вышло впоследствии изъ подъ его пера. Въ процессѣ *изложенія* авторъ три раза существенно измѣнялъ планъ своей работы, оставилъ безъ употребленія нѣсколько совершенно готовыхъ къ печати главъ ея, принужденъ былъ отложить до другого времени рядъ вопросовъ, уже значительно обработанныхъ имъ и по которымъ у него былъ собранъ довольно обширный матеріалъ,

ввелъ въ составъ сочиненія рядъ новыхъ вопросовъ, перерабатывалъ нѣкоторыя, особенно первыя главы сочиненія совершенно съизнова по пяти-восьми разъ, а главное пришелъ къ цѣлому ряду совершенно новыхъ положительныхъ заключеній и гипотезъ. — вслѣдствіе чего въ результатъ разумѣется оказалась система взглядовъ, до извѣстной степени *новая* и для него самого *неожиданная*.

Можетъ быть всѣ эти подробности для критика и для читателя мало интересны; но для правильной оцѣнки результатовъ нашей работы онѣ конечно имѣютъ свое значеніе. Онѣ свидѣтельствуютъ, во первыхъ, о томъ, что настоящая книга не есть сводъ мнѣній, на слѣхъ и кое-какъ составленныхъ и сшитыхъ на живую нитку, а что каждая мысль, въ ней выраженная, десятки разъ была продумана авторомъ и выворочена на всѣ возможные стороны, что должно отчасти служить предостереженіемъ для слишкомъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ критиковъ, считающихъ возможнымъ съ высоты своего всезнанія произносить смертный приговоръ надъ любой книгою, общее направленіе которой почему-либо имъ не нравится. Но съ другой стороны тѣ же подробности развитія воззрѣній автора лучше всего указываютъ и на возможность новыхъ измѣненій и превращеній въ его теоріяхъ, что должно въ свою очередь служить предостереженіемъ и для слишкомъ увлекающихся поклонниковъ «поваго слова науки», готовыхъ поднять каждую новую доктрину неумѣренными похвалами своими на пьедесталъ, съ котораго рано или поздно ее придется свергнуть. Мы желали бы, чтобы наши теоріи были подвержены самой беспощадной и неумолимой критикѣ, чтобы каждый специалистъ и читатель встрѣтилъ ихъ сначала даже съ нѣкоторымъ *недовѣріемъ*, но въ то же время хотѣли бы, чтобы критика отнеслась къ нимъ *серіозно и съ уваженіемъ*, такъ какъ результаты многолѣтней напряженной работы ума фактически невозможно уничтожить одною остроумною игрою словъ и легкомысленнымъ издѣвательствомъ. Эти пріемы, столь обычные въ *нашей* литературѣ, падутъ рано или поздно на голову тѣхъ, кто ими будетъ пользоваться.¹⁾

¹⁾ Впрочемъ мы должны оговориться, что никакого критика специально при этомъ не имѣемъ въ виду, потому что критическія статьи о нашей «Психологии

Кромѣ того приведенныя выше подробности изъ исторіи развитія нашихъ теорій объясняютъ и многія черты самаго изложенія ихъ въ настоящемъ сочиненіи.

Будучи всецѣло занятъ тяжелою работою систематической выработки своихъ собственныхъ воззрѣній, въ *общей оригинальности* которыхъ авторъ могъ убѣдиться изъ предшествоващаго долговременнаго изученія логической литературы, онъ естественно пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указаніе случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. При этомъ онъ руководился отчасти и добрымъ примѣромъ другихъ, весьма солидныхъ новѣйшихъ писателей по логикѣ. «Въ такомъ предметѣ, какъ логика, справедливо замѣчаетъ Стэнли Джевонсъ (Основы науки. Трактатъ о логикѣ и проч. Перев. Антоновича, С.-Петербургъ. 1881, стр. 20), едва ли возможно высказать какія-нибудь мнѣнія, которыя не были бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; по крайней мѣрѣ зародышъ всякаго ученія можно найти у прежнихъ писателей, и новостъ можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонизированія и развитія идей.» А потому естественно, что по крайней мѣрѣ при первомъ изложеніи своей оригинальной «общей системы воззрѣній», многіе весьма основательные мыслители и не находятъ нужнымъ тратить время и силы свои на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными же взглядами предшественниковъ. «Даже то, что мы могли бы заимствовать у другихъ, пришлось вновь найти помощью развитія своеобразной связи своихъ собственныхъ мыслей (*in den eigenthümlichen Zusammenhange meiner Gedankenreihe*), можемъ мы повторить вмѣстѣ съ Шуппе (*Erkenntnisstheor Logik. Bonn 1878, стр. 5*), — а потому мы и считали непроизводительною работою включать впослѣдствіи въ текстъ свой цитаты (изъ другихъ писателей), когда находили, уже значительно послѣ выработки какого-нибудь своего мнѣнія, извѣстное соотвѣтствіе его съ мнѣніями другихъ мыслителей».

чувствованій», появившіяся въ Вѣстникѣ Европы, въ Недѣлѣ, въ Мысли, въ Русской рѣчи и Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовали строгимъ требованіямъ науки.

При составленіи прошлаго своего сочиненія (Психологіи чувствованій) мы еще признавали непремѣнною *обязанностью* всякаго добросовѣстнаго изслѣдователя перерыть всю литературу прежнихъ временъ, чтобы подтвердить каждую мысль свою ссылками на аналогичныя мысли предшественниковъ. Но что же изъ этого вышло? Употребивъ болѣе года на работу, оказавшуюся потребою для того, чтобы каждое самостоятельно возникшее положеніе свое поставить въ связь съ *намѣками* прежнихъ мыслителей, мы лишили себя возможности подвергнуть дальнѣйшей, болѣе тщательной обработкѣ свои собственные теоріи, — почему въ результатѣ оказалось, что эти послѣднія, конечно нисколько не пострадавъ отъ изученія чужихъ взглядовъ, въ то же время почти ничего и не выиграли отъ этого изученія, т. е. лишь весьма незначительно подвинулись далѣе; — публика же была отчасти введена въ заблужденіе, такъ какъ, на основаніи принятыхъ приѣмовъ изложенія нашихъ теорій, могла подумать, что мы ихъ приобрѣли главнымъ образомъ путемъ вычитыванія и склеиванія чужихъ мнѣній.

Такую ошибку вторично не повторяютъ и потому въ настоящемъ случаѣ мы рѣшились роль историка и цѣнителя степени оригинальности *частныхъ* выводовъ нашихъ предоставить какому-нибудь другому лицу, которое признаетъ эту работу соответствующею своимъ вкусамъ, а сами устремили всю наличную энергію своей мысли на дальнѣйшее развитіе своихъ собственныхъ, ни отъ кого не заимствованныхъ теорій. Еще Шопентауэръ высказалъ справедливую мысль, что «въ наше время употребляется слишкомъ много силъ на изученіе исторіи философіи, которая по самой природѣ своей приводитъ къ постановкѣ *знанія* на мѣсто *мысленія*». Не этимъ ли именно направленіемъ философовъ нашего времени объясняется и тотъ фактъ, что въ XVII и XVIII вѣкахъ глубокіе и благотворные перевороты въ наукахъ психологическаго круга происходили чаще, чѣмъ въ XIX столѣтіи, которое, не смотря на преимущества своихъ методовъ и на огромное развитіе психологической литературы, и до сихъ поръ еще, въ большинствѣ случаевъ, пережевываетъ, въ сферѣ упомянутыхъ наукъ, идеи XVII и XVIII вѣковъ? Только англійская литература, державшая себя всегда болѣе самостоятельно по отношенію къ старымъ традиціямъ, и создала

рядъ дѣйствительно плодотворныхъ новыхъ движеній въ наукахъ психологическаго круга, а повѣйшій прогрессъ психологическихъ идей въ литературахъ нѣмецкой, французской и другихъ, зависитъ главнымъ образомъ именно отъ усвоенія приѣмовъ англійскихъ писателей. Да наконецъ, отчего физическія науки такъ прогрессируютъ, сравнительно съ науками психологическими, какъ не отъ того именно, что самостоятельное изученіе природы онѣ ставятъ на первый планъ и лишь въ самой умѣренной степени расходуютъ время и силы свои на изученіе исторической послѣдовательности развитія тѣхъ или другихъ теорій?

Таковы соображенія, которыя заставили насъ въ настоящемъ трудѣ пренебречь столь обычнымъ въ наше время приѣмомъ подтвержденія своихъ взглядовъ цитатами изъ другихъ сочиненій по тому же предмету: общая оригинальность нашихъ теорій будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько-нибудь компетентнаго читателя настоящей книги, а неизбѣжныя частныя совпаденія ихъ съ выводами предшественниковъ и безъ всякихъ цитатъ несомнѣнны.

Затѣмъ указанный выше ходъ развитія нашихъ теорій объясняетъ и еще одну важную особенность нашего изложенія. Дѣло въ томъ, что это послѣднее навѣрное покажется многимъ читателямъ слишкомъ ученымъ, сжатымъ, сухимъ и неудобопонятнымъ. Въ этихъ недостаткахъ настоящей книги мы и сами откровенно сознаемся, но они опять являются лишь послѣдствіями общаго хода развитія нашихъ идей. Серіозное научное сочиненіе, при составленіи котораго продолжается процессъ творчества мысли автора, поневолѣ страдаетъ сжатостью изложенія, нѣкоторою сухостью и неудобопонятностью (конечно только съ точки зрѣнія мало подготовленнаго читателя): имѣя въ виду воображаемыхъ противниковъ-спеціалистовъ, авторъ поневолѣ предполагаетъ многое извѣстнымъ, поневолѣ часто недоговариваетъ своихъ мыслей и аргументируетъ какъ можно лаконичнѣе. Кромѣ того, стремясь развить систему своихъ воззрѣній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, куда только заглядывала его собственная мысль, онъ и по этому тоже невольно принужденъ сводить развитіе каждой мысли своей на мінімумъ словъ, въ которыхъ она можетъ быть выражена, и не можетъ заботиться объ украшеніи своего текста многочисленными